

В стране невыученных уроков

О фильме "Черная кошка, белый кот" Э.Кустурицы, и не только о нем

Мы уже привыкли к тому, что новые фильмы выходят на московские экраны спустя несколько недель после премьеры в Лос-Анджелесе, а то и одновременно с ней. С европейскими картинами, однако, дело обстоит иначе. Ленту Эмира Кустурицы "Черная кошка, белый кот" москвичи увидели в "Ролане" спустя год и два месяца после премьеры на прошлогоднем венецианском фестивале.

В России начинается сезон раздачи кинематографических призов и наград. "Кинокритический" "Золотой Овен", затем — профессиональная "Ника". Не нужно быть пророком, чтобы предсказать триумф Алексея Германа с его, кстати, тоже не новой лентой "Хрустлев, машину!", которую русский зритель увидел спустя полтора года после памятного каннского конфуза.

"Хрустлев..." — картина, безусловно, выдающаяся, и ее победа особенно у кинокритиков естественна. Но появление этого фильма, а также возникновение в текущем сезоне нового творения Александра Сокурова вновь поставили в повестку дня вопрос о взаимоотношениях кинематографа зрительского и кинематографа авторского.

Десять лет назад подобные дискуссии уже отшумели. Быть может, в ситуации, когда бытие кинематографа ограничено пределами Садового кольца и некоторыми западными кинофестивалями, упор на авторское кино правилен. Но в этом сезоне, помимо лент Германа и Сокурова, вдруг появились картины, которые при нормальном функционировании системы проката вполне могли бы стать его чемпионами. И речь даже не о "Сибирском цирюльнике", который собрал в России почти два миллиона долларов. Речь о "Блокпосте" и "Баракке", в которых очевидные художественные достоинства соединены со столь же очевидной коммерческой привлекательностью.

Вот тут-то и появляется "Черная кошка, белый кот". Появляется, чтобы наглядно показать — когда большой кинематографический талант не сочетается с предельным безразличием к зрителю, миру рождается произведение искусства, на просмотре которого завзятый эстет вполне может сидеть рядом с классической Мариванной из третьего подъезда.

У Кустурицы всегда было так. Достаточно вспомнить, что его предыдущий фильм "Андеграунд" долгое время демонстрировался в Киноцентре на Красной Пресне, причем два показа по ОРТ не только не умерили пыл поклонников, но, наоборот, — после каждой трансляции на Пресне выстраивались очереди. Люди хотели настоящего кино — телевизор их только раздражал.

"Черная кошка", пожалуй, даже более кинематографична. Родство талантов неистового боснийца и великого Феллини видно здесь невооруженным глазом. Гротескные ви-

зуальные образы, рожденные фантазией Кустурицы, живут, кажется, собственной жизнью, иногда плавно, а иногда весело и дерзко перемещаясь в пространстве кадра. Карнавальная стихия, столь милая сердцу великого итальянца, у Кустурицы поражает прежде всего тем, что является едва ли не единственно возможной средой существования героев.

Самое, однако, любопытное — и в этом состоит главный урок, преподнесенный балканским режиссером отечественным адептам авторского кино, — это то, что действие картины разворачивается в современной Югославии, отрезанной от мира, потерявшей былые земли и былые величие. Представляете, что бы натворили наши великие и не очень великие гении на подобном материале! А у Кустурицы — веселье, бесшабашность и удивительная легкость восприятия того, что происходит на экране.

Тут есть и люди, живущие нечестным трудом, и просто бандиты и наемные убийцы, и крестные отцы мафии. Но никакой жути, никакого надрыва. Эмир Кустурица уже оплакал свою любимую Югославию в "Андеграунде". А теперь — что же делать! Надо жить, несмотря на то, что сил на это почти не осталось. Надо помочь народу как-то пережить тот кошмар, в котором оказалась некогда процветавшая европейская держава.

Ситуация, которая отечественных киноавторов подвигает на зловонную мизантропию, дает основание Кустурице ощутить себя ответственным за тех, кто будет смотреть его кино. Оттого-то феллинизмы в "Черной кошке" не являются эстетской "вещью в себе". Каждая "придумка", каждый трюк имеет не только художественное, но и вполне бытовое обоснование. Поэтому никаких сложностей в восприятии ленты нет.

В "Черной кошке" режиссер вновь обращается к жизни цыганского племени. Но эта жизнь предстает куда более интересной, чем бытие их сородичей из "Дома для повешения", созданного мастером десять лет назад. Тогда действие разворачивалось в основном в Италии, и мрачные краски доминировали в той картине.

Ныне все искрится и играет. Есть юные влюбленные, есть злодей, стоящий на пути к их соединению, есть радость молодости, свадебное веселье, посрамление негодяя, погони на диких транспортных средствах, очаровательные леса, речные волны, по которым плывет теплоход "Максим Горький" с дефицитной бытовой техникой.

Если в 1989 году итальянские цыгане жили в ситуации несравненно худшей, чем их сородичи из Югославии, то в 1998-м, накануне натовских бомбардировок, сербской территории, тамшние цыгане живут, вообще не интересуясь политическими бурями. Частные проблемы не просто важнее глобальных катаклизмов, они — единствен-

но важные вещи в человеческой жизни.

Еще один урок Кустурицы заключается в предпочтении частной жизни общественной. И этот урок никак не может и не хочет усвоить невероятно разросшаяся армия российских адептов авторского кино. Они все снимают и снимают картины про то, что у нас все плохо — очень плохо — еще хуже — катастрофично — никуда не годно. Человек у нас ничего не стоит и ничего не значит. Вообще-то подобная постановка вопроса почти верна. Но именно поэтому кинематограф обязан стать тем, что помогает нам жить в любой ситуации.

Цыгане важны для Кустурицы как народ, свободный от прочных связей с землей, на которой живет. Идея приоритета частной жизни над большой политикой впитана некогда юным режиссером во время обучения в знаменитом пражском FAMU. В начале семидесятых, когда ершистый студент из Югославии обучался в Праге, знаменитая чехословацкая "новая волна" была уже разгромлена — тем яростнее стал Кустурица воплощать в жизнь ее кардинальные идеи.

Балканские цыгане из "Черной кошки" — родные братья и сестры очаровательных чешских чудаков из классических фильмов "пражской весны". Они так же наивны, так же неприиспособлены, так же свято не верят даже, а чувствуют: проблема соединения двух влюбленных не просто важнее, а интереснее всех политических бурь, вместе взятых. Чешские чудаки шестидесятых противопоставляли косной бюрократии "развитого социализма". Цыгане Кустурицы — люди без роду и племени, противопоставлены тем балканским родам и племенам, что тесно связали свою жизнь с Большой Политикой.

В Югославии кинопоклонники Кустурицы поняли — за месяц до бомбардировок в белградских кинотеатрах стояли длиннющие очереди. Правда, и там интеллектуалы отдали предпочтение "Бочке пороха" Горана Паскалевича — замечательному произведению, констатирующему состояние духовной катастрофы сербского общества. Но очереди на "Черную кошку" были все же громадными.

В Москве "Хрустлев..." прошел неделю на одном сеансе в "Ролане" с аншлагами. "Молох", мягко говоря, провалился. Этого следовало ожидать. Жаль, что провалился и "Барак", несмотря на грамотную рекламу. Не поверили. Решили, что очередное повествование о катастрофичности нашей жизни. А оно — о родителях наших, сумевших даже в нечеловеческих условиях — бытовых и социальных — остаться людьми. Нам бы их духовную стойкость! Нам бы их кинематограф — не тот, который официозный, а тот, что веселит, развлекал и не давал пасть духом... Эх, Эмир Кустурица! Как ты далек!

Сергей ЛАВРЕНТЬЕВ

Кадр из фильма